

РОМАН -
ДИЛОГИЯ

РЕГУЛЯТОР
ЗА ДЕНЬГАМИ

ДМИТРИЙ
КУЛИШ

ЖЕНА АТЛАНТИДЫ

Издательство
ПЛАНЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« П Л А Н Ж »

МОСКВА
2 0 1 7

Р О М А Н -
Д И Л О Г И Я

РЕГУЛЯТОР
ЗА ДЕНЬГАМИ

ДМИТРИЙ
КУЛИШ

ЖИВАТИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус) 6/4
К90

знак информационной продукции
в соответствии с законом 436-ФЗ

Кулиш Д.М.

К90 ПЛАНЖ. Диалогия / Дмитрий Кулиш. — Москва: Издательство
«Планж», 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-9908967-3-4

В голову современного человека встроили регулятор управления поведением и он, как вы догадываетесь, сломался. Вы, наверное, пытаетесь понять, сломался человек или регулятор? Но это не важно. В любом случае надо разбираться, как работает система, заново учиться управлению, а также разгрести те дрова, которые ты наломал в семье и на работе, пока разбирался. Герои диалогии «Планж» овладевают искусством пилотирования головы, проходя через успехи, неудачи, боль и любовь. Некоторые справляются, а некоторые — нет.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус) 6/4

ISBN 978-5-9908967-3-4

© Кулиш Д.М., 2017

© Красновский Яков, художественное
оформление, макет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. Регулятор

Воскресенье	9
Понедельник	44
Вторник	65
Среда	88
Четверг	120
Егор	137
Обратная связь	165
Шаман	195
Квест	227
Планж	256
Герман	276

Книга 2. За деньгами

«Фак-Ю-Мани»	299
Баба бросилась под поезд	337
Я делаю много ошибок	369
Смерть под парусом	409
Хозяйка изумрудного острова	444
Внутреннее пространство	482
Хочу замуж	513
За деньгами	547

К Н И Г А 1

ДОТЯЖИЛОР

Алёше, Стёпе и А.О.

Когда я допил всё, что было у них меж оконных рам,
Я сел на первый сабвей в Тируванантапурам...

Б.Г.

Когда Левин думал о том, что он такое и для чего он
живет, он не находил ответа и приходил в отчаянье;
но когда он переставал спрашивать себя об этом, он
как будто знал, и что он такое и для чего он живет...

Л.Т.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

И кисейная барышня, и угрюмый спецназовец испытывают щемящий комфорт, попадая в места и ситуации, возвращающие их в детство. Крепки те семейные пары, в которых детство у супругов было похожим, и щемящий комфорт наступает одновременно. Мы с Зоей никогда не выключаем радио на кухне. Когда я впервые привёз Зою к себе домой, она прямо на пороге улыбнулась и проговорила: «Ты тоже не выключаешь радио...» Появилась тема для беззаботного разговора, удачно подводящего к постели: эмоции взлетели, мысли опали и с тех пор мы не расставались.

Наши с Зоей бабушки и дедушки передали детям, а потом и внукам, привычку к непрекращающемуся радио-бубнению на кухне. Во времена Советского Союза молодым семьям, въезжающим на предоставленную им жилплощадь, в общем составе домашнего хозяйства полагалась радиорозетка, в которую надо было воткнуть радиоточку — пластмассовую коробочку с ребристым громкоговорителем, двумя кнопками и колёсиком громкости. Радиоточку базовой комплектации выдавали бесплатно, а тюнингованный вариант для желающих подчеркнуть свой статус продавали в хозяйственном за один рубль пятнадцать копеек. Жителям Советской страны настоятельно рекомендовалось не выключать радиоточку, поскольку именно по ней будет передано сообщение о воздушной тревоге в момент начала войны. Однако не выключали радиоточку по совсем другой причине. Не настолько были бабушки и дедушки параноикальными, чтобы всерьёз каждый день ждать войны. Просто

мало было в быту советского человека развлечений. А тут тебе и розетка, в которую так и хочется что-то воткнуть, и живой человек в громкоговорителе, который бесконечно с тобой общается без малейших усилий и даже обещаний с твоей стороны...

Отец ярко рассказывает, как репортажи с героической Кубы, которую неизменно атаковали американские империалисты, сложились для него в солидный фэнтези-эпос, навеки слившийся с образом радиоточки. Отец изучил характеры героев эпоса и особенности провинций волшебной страны, от Гранмы до Сьенфуэгоса, пережил победы и потери, смятения и осознания. А потом был искренне потрясён, узнав, что американцы Кубу действительно атаковали. Детализация эпосов грозит непоправимыми нарушениями картины мироздания. Типа, увидеть трудовые книжки и личные дела гномов, друживших с Белоснежкой, понять их мечты, страхи, болезни и ежедневное расписание. Понять, зачем они зависали в маленьком домике на лесной опушке и что с каждым из них и со всеми ими в целом случилось впоследствии. Никогда больше диснеевский мультик не вызовет те нежные чувства, которые он вызывал на протяжении ста лет у сотен миллионов людей. Вот и с Кубой получилось также. Оказалось, что до сих пор в Вирджинии живут люди, которые сорок-пятьдесят лет назад честно отработывали неплохую казённую зарплату, составляя планы покушения на Фиделя Кастро. Отцу даже стало по-человечески жалко этих профессионалов, у которых провалились десятки покушений. Фидель оказался не только брендованным рупором чайаний романтической молодёжи, но и проклятием усидчивых менеджеров. Может быть, кого-то из них даже уволили. А ведь они честно выполняли свою ответственную работу по террористическому планированию и управлению: рисовали календарные планы-графики саботажа и разрабатывали должностные инструкции для отрядов киллеров. Придумывали, как отравить еду или взорвать сигару. Но уж больно сложную задачу перед ними поставили. Не все управленческие задачи могут быть решены, хотя руководители и акционеры обычно уверены в обратном. Поэтому отцу уютнее

на скромной советской кухне, главным украшением которой является радиоточка, чем на пышных корпоративах нового времени.

Нелюбитель Советского Союза сейчас начнёт рассказывать, что этот самый Союз был империей зла и слюнявые воспоминания о нём указывают только на низкий уровень нашей исторической и социальной культуры. И что нашим родителям, на самом-то деле, вовсе не было так уж уютно в этих бесплатных лачугах, в атмосфере социалистического лицемерия и тотальной несвободы. Я топчусь в нерешительности перед столь обширной темой. Во-первых, иметь или не иметь хорошее детство — это личное дело каждого. Выбрать хорошее детство никогда не поздно, и я всем этого желаю, хотя навязываться не буду. Во-вторых, лицемерия и несвободы в Союзе, конечно, было предостаточно, но где их нет? Когда мне полицейские спокойным уверенным голосом сообщили, что во всём городе Гонолулу по воле народа запрещены роликовые коньки, я особенно остро осознал, что свобода — понятие относительное. Ну и с лицемерием то же самое: мещанин лицемерит и в Ярославле, и в Нью-Йорке.

Как измерить уют — непонятно. Родители всегда утверждали, что им в Союзе было вполне комфортно, да и сейчас продолжают утверждать. С другой стороны, хорошие люди рассказывали мне, как тяжело и унижительно было искать зимой восемьдесят первого года телефон-автомат в Подольске. И как становилось ужасно, когда выяснялось, что единственный на три квартала телефон не работает. Я слушаю такие рассказы с искренним сочувствием, поскольку вижу, что хорошим людям действительно больно от этих воспоминаний, и буря у них в голове происходит нешуточная. С таким же сочувствием я недавно выслушал крик души о том, что в Эль-Пасо никак не установят суперчарджер Тесла, а ближайшая зарядка находится только в шестидесяти милях у неприятного подозрительного реднека в пустыне за Лас-Крусесом. У рассказчиков из Эль-Пасо обнаружили столь же интенсивные буря в голове и боль в сердце, несмотря на то, что и с погодой, и с телефонами

в Эль-Пасо дела обстоят гораздо лучше, чем в Подольске зимой восемьдесят первого года. Но я не слишком огорчаюсь ни за первых, ни за вторых. Люди меняются и их мысли тоже. Если буря в голове прекратится, то через двадцать лет можно будет с удовольствием вспоминать прекрасное разноцветное прошлое, когда жизнь бурлила и можно было в дикую жару на последнем киловатте под бескрайним южным небом с выключенным для сбережения энергии кондиционером и одной на троих бутылкой горячего пива ехать за шестьдесят миль искать проклятую зарядку. А если продолжится или, не дай Бог, усилится, то проклятая зарядка будет всю жизнь возвращаться ночным кошмаром и не давать спокойно жить.

Буря в голове почти не зависит ни от географии, ни от социального устройства страны местонахождения. Она умалчивает, если вокруг шумят и работают весёлые спокойные люди. А если люди вокруг грустные и нервные — туши свет и сливай воду: буря разорвёт голову, как несбалансированную центрифугу. От разрыва может спасти только реальная буря снаружи головы. Именно поэтому в прошлом были так популярны и распространены революции и войны. Но где ж теперь их взять? За какой-никакой войной надо долго ехать в далёкие теплые страны, а в нашей стране центрального отопления и горячего водоснабжения уже даже бандиты подобрали. Так что всё сводится к окружающим людям, и тут уж кому как повезло. Большевики, конечно, приложили много усилий к тому, чтобы на бескрайних просторах Советском Союзе стало меньше весёлых, спокойных людей, а больше злых и нервных. Но наши с Зоей родители как-то разобрались с этой проблемой. Говорят, окружение можно выбирать. Видимо, родители выбрали. За что им спасибо!

Мы познакомились с Зоей на занятиях по йоге. Группа была большая и мы смотрели друг на друга издалека. То есть, конечно, я смотрел, а она посматривала. Трудно отвести глаза от стройной и гибкой девушки, но вот повода заговорить никак не находилось. Однажды в конце занятия преподаватель сказал взволнованным голосом, что сегодня по просьбе многих занимающихся он проведёт получасовое занятие

по медитации — мы будем дышать чакрами под мантру. Пришлось как ошпаренному вскочить и вылететь из зала.

Меня всегда раздражали трактовки йоги как чего-то волшебного, несущего уникальный ключ к прозрению и исцелению. Я хожу на йогу просто потому, что она является идеальным видом фитнеса по соотношению цена-качество. Йога — это выверенный веками набор гимнастических упражнений, позволяющий за полтора часа размять и проработать все группы мышц. Конечно, столь же качественный набор упражнений можно было бы получить в спортзале у выпускника института физкультуры, при условии, что он не троечник. Но по какой-то странной причине тренер в спортзале стоит раз в пять дороже, чем занятие по йоге. А студии йоги располагаются по всему городу, старательно себя рекламируют и держат невысокие цены. На это, видимо, есть какие-то микро— и макроэкономические причины, но они меня не занимают и никогда не занимали. После простенького эконометрического анализа вариантов фитнеса я уверенно выбрал йогу, иногда отвлекаясь на дорожку и железо, но никогда не отвлекаясь на псевдодуховную лабуду. Это — абсолютно прагматическая позиция. Всякий раз, когда собеседник примешивает к йоге всякие неконкретные непонятные слова типа мантр, сутр и нирван, моя эконометрическая модель начинала мигать красной лампой, указывая, что я трачу ценное время не на полезную физкультуру, а на бесполезную болтовню. Тренер по йоге, к которому мы с Зоей ходили, нравился мне именно потому, что за полгода ни разу не сказал ни одного такого слова. И тут на тебе, медитация.

Вылетев за дверь, я все-таки не удержался и решил посмотреть в щёлочку, как они там медитируют — и больно получил дверью по носу и глазу. Когда я пришёл в себя, передо мной стояла та самая девушка. «Извини, — сказала она, — я нечаянно. Я убежала от медитации». Учитывая, что Зоины попа и грудь уже давно меня впечатлили, подобное родство душ сразило меня наповал и мы довольно быстро стали жить вместе. Со временем я осознал важнейшее Зоино достоинство, которое держит меня около неё скоро уже десять лет (мне, конечно, хотелось бы понять, что держит Зою

около меня, но она тщательно это скрывает). Зойкина магия скрыта от окружающих, причём не одеждой. Как раз одежда и то, что под ней, вполне очевидны восторженной публике. Зоя много занималась танцами и великолепно развила женские навыки преображения и очарования. Пять минут назад за кулисами девушка горячо обсуждала с подругами что-то очень бытовое и, может быть, даже ссорилась с ними из-за потерянных тапочек, но зажглись огни рампы, и она становится белым лебедем или, пуще того, обольстительницей из гарема султана, грациозно плывущей в волнах лёгких разноцветных тканей, из-под которых с дурманящей точностью появляются лодыжки, коленки, плечи, улыбки, взгляды и прочие сладости. Пульс ускоряется, как Порш на светофоре. Зоина очаровательная улыбка, вкус в одежде и грация пользуются неизменной популярностью на вечеринках и наполняют меня гордостью. Но привязанность моя укоренена не в этом.

Главное в том, что Зоя потрясающе «включает любовь». Это дурацкое словосочетание пропитано машинным маслом и нарочитым цинизмом, рождающим мысли о серости и неискренности. А я просто пытаюсь плоскими буквами описать тот многомерный поток тепла и света, волшебную лампочку, которая вспыхивает в Зое в лучшие её минуты. Её глаза и тело заливают меня любовью и спокойствием. В Зоинем тепле я купаюсь, возрождаюсь и набираюсь сил для разборок с окружающим миром. Она наполняет меня нежностью, верой и вдохновением. Её слова чеканны и плавны одновременно — невозможно не верить в то, что она говорит, и сомневаться в том, что она тоже в это верит. Она говорит, что любит, что я лучший. И я ей верю. И хочется жить дальше. И будь что будет. А будет всё хорошо.

Конечно, говорить правильные слова и смотреть волшебным взглядом — это первое женское искусство, за которое мы и любим женщин. Невозможно также обойтись и без второго — широко и маняще раздвинутых ног. Эти два искусства даны женщине на генетическом уровне и поначалу кажутся необходимыми и достаточными, но потом выясняется, что за ними должно стоять что-то ещё. Начинаящий

мужчина пребывает в уверенности, что всё, что ему может дать женщина — это маняще-нежно посмотреть, перестать ломаться и раздвинуть ноги. После этого теоретически должны наступить восторг и победа. Но идёт время, растёт, извините за выражение, опыт, ноги раздвигаются всё чаще, а вот восторг почему-то приходит всё реже. Не говоря уже о победе. Ноги-то она уже давно раздвинула, а восторг не приходит и не приходит. В очередном раунде не приходит даже эрекция и мужчина переходит на следующий уровень восприятия женщин.

Оказывается, что кроме раздвинутых ног для эрекции должно случиться ещё что-то такое, чего словами уже никак не описать. Кто-то называет это «химией», кто-то «энергией», ну а кто-то, потеряв надежду найти точное определение, использует избитый и неопределённый термин «любовь». Увы, это определение слишком многозначно, чтобы что-то прояснить. Опытный мужчина знает, что это слово можно сказать хоть десять раз, но ни духовного подъёма, ни даже эрекции от этого не случится. Так что лучше опираться не на слова, а на чувства. Вот эти самые чувства Зоя возбуждает необычайно. Иногда меня даже раздражает, что при малейшем намерении она возбуждает их не только во мне, но и в любом встречном-поперечном. Но, кажется, во мне она их возбуждает с большим удовольствием. Наверное, это и есть любовь.

Разумеется, и до встречи с Зоей, и даже некоторое время после нашего знакомства, в моей жизни были другие женщины. Разумеется, все эти женщины попадали в мою жизнь потому, что были стройными, грациозными, женственными, весёлыми и говорили правильные слова. Но и до, и после я снова и снова убеждался, что лампочка в этих женщинах либо не вспыхивала вообще, либо горела гораздо слабее, чем в Зое. Я не считаю себя Казановой, перед которым все лампочки должны зажигаться на полную мощность. Вполне возможно, что те женщины, которым я надменно понижаю оценку, нашли себе гораздо более достойные объекты освещения, а меня вспоминают как нагловатого толстеющего задаваку, недостойного их света. Дай им Бог здоровья

и счастья. Возможно, Зоя светит мне не потому, что я вот такой вот гениальный и сексапильный, а потому что по какой-то неведомой мне, а возможно, и ей, причине, я лучше других подошёл. Но для меня это неважно! Важно, что Зоя освещает и греет меня сильнее, чем любая другая женщина. И это, наверное, тоже любовь.

Увы, у этой идиллии, как и у всех других идиллий, есть обратная сторона. Также мощно и ярко, как Зоя греет и светит, она мучает и уничтожает. Совершенно неожиданно она вспыхивает, как спичка, и устраивает истерики и скандалы. В тяжёлые моменты она способна на такие обидные, ранящие слова и поступки, на которые не только не отважатся другие женщины, но которые вообще выходят за рамки разумного. Она кричит мне в лицо, что я стареющий импотент и вечный неудачник, обречённый на помойку и уныние, что она идёт на свидание с тренером из спортзала и наконец-то пообщается с нормальным кавалером и надеется на успешное завершение вечера. Потом меняет тон на строго формальный и сообщает, что вот прямо сейчас сдаст мои подставные ООО-однодневки в налоговую инспекцию, а то и сразу в прокуратуру, чтобы два раза не ходить. Потом орёт, что ещё и задокументирует у врача синяк на локте и заявит на меня участковому по факту семейного насилия. А чтобы это всё лучше усвоилось, хлопает дверями так, что сверху что-то сыпется. Мужу за такое шоу я набил бы морду, а что делать с Зоей — не знаю. Иногда мы дерёмся, но в силу этико-социальных норм, а также прямых Зоиных угроз уголовным преследованием, нормально двинуть я ей не могу, и получается не драка, а эдакая гимнастическая композиция на тему взаимной ненависти. Иногда мы просто бьём посуду, а потом решительно расходимся. Расходились мы раз пятнадцать. Из них раз десять — навсегда. Пару раз она не хотела расходиться, и я вышвыривал её из дома, не в силах так вот просто переварить ведро её ненависти.

Потом мы сходимся. Иногда случайно, а иногда сурово-осознанно, понимая, что деваться друг от друга нам особо некуда, так много любви и счастья мы даём друг другу в хорошие моменты... Говорят, что женщина имеет право

на эмоциональный взрыв, а мудрый сильный мужчина должен прощать и успокаивать. Может, так и есть, но, увы, это выше моих сил. Не замечать и прощать её сложно выстроенные, продуманные и спланированные оскорбления и издевательства я не могу. Я ни разу не подвёл и не обидел её всерьёз, а она надо мной издевается. Когда Зоя начинает на меня орать, меня захлёстывает мутная волна, в которой нет ни разума, ни любви — только боль и ненависть. В этот момент мы оба сходим с ума, и выйти из этого состояния так вот просто не можем.

Я пытаюсь изучать и предсказывать её истерики. Иногда Зоя сходит с ума от бытовых трудностей типа пробитого колеса или больного горла, причём неважно, болит горло у меня или у неё. А иногда к взрыву приводит какой-то её собственный внутренний процесс, о природе которого она, разумеется, не докладывает... Всякий раз, когда мы миримся и сходимся, я выясняю у Зои, из-за чего она взорвалась сейчас и что мне надо делать в будущем, чтобы этого не случилось. Наверное, это звучит отвратительно занудно, но как выяснять такие вещи не занудно, я не знаю. Она говорит общие слова, типа надо быть к ней внимательнее и нежнее, и тогда-то всё будет хорошо. Какое-то время мы держимся, а потом снова срываемся. Непонятно, кто прав, кто виноват, но весь этот кошмар начинается сначала. Истерика выстреливает мгновенно, неотвратимо и выглядит, как конец мира. И так десять лет. Каждый год я жду, что станет полегче, но ничего не меняется... Скоро уже Олежка замечать начнёт. Я что-то объясняю себе, пытаюсь быть внимательнее и нежнее, но всякий раз Зоя кричит так же зло и искренне, как в первый раз, а я обижаюсь и схожу с ума так же горько, как в первый раз. И в глубине души у меня постоянно тлеет опасение, что вот-вот наша система всё-таки разрушится, и я стану противным обществу типом, который бросил женщину с ребёнком из-за такой малости, как ее крики. Мысль о потере Зоиной любви и Олежкиного счастья для меня не просто болезненна, а невыносима. Я вообще не могу думать в эту сторону. Но и переносить Зоину агрессию и издевательства тоже не могу. Такие дела.

> > >

Воскресенье начиналось хорошо. Зоя уютно посапывала в плечо. Вчера они с Олежкой вернулись с дачи, где отлично жили вместе с Зоиной мамой и охотнее звали меня к себе, чем приезжали ко мне в город. Сегодня им надо было пойти на день рождения Олежкиного одноклассника, и отказаться от этой социальной функции Зоя не смогла. Летние детские дни рождения носят странный оттенок обязательности во время расслабухи. Надо специально съезжаться в пыльный город и участвовать в натужном увеселении детей в пустом кафе, стесняющемся своей пустоты. Родители именинника, может, и пригласили бы всех на дачу, но понимают, что туда и вовсе никто не доедет...

Летом городской дом выглядит нелепо. Особенно для детей, которые вроде бы этот дом на все каникулы покинули, а теперь зачем-то возвращаются. Глупо доставать из шкафа машинки и роботов, потому что завтра же придётся их убирать. Во дворе никого нет. Кругом разрыв шаблона... Неудивительно, что люди такие разные — ребёнок с летним днём рождения имеет совсем иной опыт застолий, дружбы, да и многих других фундаментальных понятий, чем ребёнок с днём рождения в учебное время. Понятно, что оба опыта не хороши и не плохи, но когда эти два ребёнка пытаются договориться во взрослой жизни, их подстерегают недопонимание, неожиданности и напряжения.

Я был рад, что Зоя приехала с дачи. Даже в круговерти работы удавалось по ней соскучиться. Конечно, я часто ездил к ним с Олежкой, но их отсутствие в квартире создало ощущение пустоты, которая сейчас приятно заполнилась. Зоина попа соблазнительно выглядывала из-под одеяла, и меня уносили тёплые мысли о том, какая у меня классная жена и как я её люблю.

Из Олежиной комнаты доносились привычные утренние звуки нашего дома — взрывы и крики. Этим летом весь Олежкин 5-ый «Б» был захвачен Автоботами. Олег специально просыпался пораньше, чтобы победить пару Десептиконов, не опасаясь наезда родителей на столь дорогих ему Автоботов. Странно, что звук не отключил или наушники не

надел. Вроде, умный ребёнок. Ну да ладно, не так уж и громко — видимо, ему так интереснее.

Меня трясёт от увлечения сына компьютерными играми. То, что он способен просидеть с планшетом или за компьютером целый день, навевает мне видения атрофии мышц и мыслительных способностей со всеми катастрофическими последствиями алкоголизма или, не дай Бог, вообще героиновой агонии. От этого роскошного полотна просто так не отмахнуться. Я пожаловался на этот ужас отцу, но тот только хмыкнул и сказал, что я сам в Олеговом возрасте мог целый день читать книгу и играть в солдатиков. «Но книги и солдатика лучше, чем компьютер!» — возопил я. «Чем?» — невинно спросил отец и действительно уел меня этим вопросом. Объективно глядя на вещи, расставлять металлических солдатиков по полу или виртуальных на экране — это почти одно и то же с точки зрения развития комбинаторных и структурных навыков. Читать книгу про пиратов или гонять пиратов по экрану — это несколько разные вещи, но из современной компьютерной игры ребёнок явно получает какие-то знания и навыки в области графического дизайна, которых не даёт книга. А мышцы атрофируются меньше, чем от чтения, поскольку книга — объект статичный, а в компьютере надо тыкать кнопки, причём весьма сосредоточенно и осознанно... И спину надо держать прямо!

Я тоже иногда играл с Олежкой в квесты и стрелялки и получал удовольствие. Но мне быстро надоело, а он продолжал азартно палить по Десептиконам... Может, это говорит моя зависть к его искреннему увлечению? Подсознательно мы чувствуем, что любая наша апатия там, где у кого-то бьёт энергия — это плохо. Это — проигрыш, причём даже не на уровне бытовухи, а на каком-то более фундаментальном глубинном уровне. Если нет энергии и вдохновения, то в реальную жизнь можно даже не заходить — ничего не получится.

Потом отец уточнил, как у Олежки со школой и другими увлечениями. Я ответил, что всё нормально — в школе четвёрки и пятёрки, секция горных лыж, дача и выездные лагеря

летом. Родителей слушается, со сверстниками дружит. Хороший ребёнок.

— Вот и всё, — сказал отец. — Расслабься. Пусть играет, пока не появятся проблемы. А когда появятся, будешь их решать по мере поступления.

— Некоторые проблемы бывает поздно решать по мере поступления, — уверенно парировал я.

— Очень мало таких проблем, — задумчиво ответил отец, глядя далеко мне за плечо. Похоже, он искренне пытался вспомнить хоть одну такую проблему, и не мог.

> > >

Я окончательно проснулся и решил пойти в кабинет побренчать на гитаре. Гитара манила и радовала, но вот уже пару месяцев я её побаивался после горького случая... В детстве мы много сидели с гитарой во дворе с одноклассником Егором и его братом Антоном. Антон был аж на десять лет старше, но возился с нами, показывал аккорды, учил общаться со взрослыми ребятами, и в результате создал волшебную субкультуру нашего двора, которую я до сих пор вспоминаю с тёплой грустью по прошедшему золотому веку. Я никогда не считал себя великим музыкантом, но в память о дворе хранил старую акустическую деревяшку и иногда долбал по струнам. Полгода назад случайно увидел вблизи электрогитару, и она меня заинтересовала даже не как музыкальный инструмент, а как блестящая вещица: ворона, дремлющая во мне, захотела такую же. К покупке я подошёл спокойно и практично, как к приобретению комплекта зимних шин: изучил интернет-обзоры, каталоги, понял, какие типы и виды гитар считаются сегодня самыми модными и качественными и выписал названия. Находясь на переговорах в Сан-Франциско, я зашёл в хороший магазин, выбрал инструмент, уверенно лидирующий во всех рейтингах, и заплатил за него цену значительно меньшую, чем цена Зоиного автомобиля. Дома гордо установил гитару на видное место и стал побренькивать. Надо сказать, что цена автомобиля моей жены является для меня нижним пределом больших денег. И я очень благодарен Зое, что она соглашается именно

на такой автомобиль, а не требует всё дороже и дороже, как бывает с её подругами.

Пару месяцев назад ко мне забежал Егор. Друг детства подрабатывает фриланс-программистом с непредсказуемыми заказами и невысокой ставкой — мы возвращаемся на разных орбитах, но получаем искреннее удовольствие от общения друг с другом, поскольку двадцать пять лет знакомства научили нас не тыкать друг другу в больные места. В этот раз Егор позвонил взбудораженный и примчался за советом. Впервые в жизни клиент наотрез отказался платить ему налом и потребовал принять оплату по договору в белую. Егор офигел. Не то, чтобы его волновали налоги, расходы на бухгалтера и прочие организационно-экономические вопросы. Всё было хуже и фундаментальнее. Егору, как и большинству россиян, за любой официальной бумагой с подписью и печатью виделись бесконечные очереди и издевательства в бюрократических коридорах, а потом и туманные, но такие популярные в народе чудища: рейдеры, наезды налоговой, обвинение в экономических преступлениях и смерть за решёткой, ну или как минимум в горькой нищете. Сначала я иронично повыспрашивал у него, кто и с какой целью может замышлять на него рейдерскую атаку. Егор расстроился ещё больше. Тогда я согласился принять платёж на одно из моих юрилиц, но объяснил, что денег не дам, пока он не предоставит мне все счета, отчёты и прочую бумажную канитель. Что забавно, это его ничуть не напрягло. Он сразу расслабился и повеселел, а я погрустнел, поскольку понял, что могу потерять друга. Отчёты он не предоставит, и деньги я ему не отдам — буду держать резерв на возврат контрагенту по причине незакрытия договора... Потом я расслабился, поскольку догадался, что Егор отнесётся ко всей этой истории, как к столкновению с кораблём-призраком, и будет только рад, что страшная тень исчезла в тумане, пусть даже за его же счет.

Бухгалтерские грёзы были прерваны сдавленным стоном Егора: «Это что?» Он смотрел на мою новую гитару с выражением лица футболиста премьер-лиги, не забившего с линии ворот. После обмена короткими эмоциональными

репликами выяснилось, что я умудрился купить самую дорогую и крутую гитару в мире. Типа, «Феррари» в мире гитар. Дороже были только сильно тюнингованные вещи, практически ручная работа, либо такие же гитары, как моя, но с фломастерной подписью Боба Марли или Гребенщикова. С некоторым напряжением и даже горечью Егор объяснил, что и он, и все его друзья уже лет десять мечтают вот об этой конкретной гитаре, но никто пока даже не приблизился к заветному обладанию.

Меня это открытие впечатлило. Не столько факт обладания такой уникальной штукой, сколько лёгкость, с которой это приобретение мне далось. Просто пришёл в магазин и просто купил эту вещь, и мой бюджет не сильно напрягся. То есть, по критерию обладания электрогитарой я оказался в ряду богатейших людей страны, а то и мира — этот факт не может не греть самолюбие пацана. Я тут же вообразил, что могу срубить тонну народной любви и восхищения, если притащу эту гитару, скажем, на корпоратив и забабахая там какую-нибудь народную песню. Сладкий дым гордости моими неминуемыми достижениями повис в воздухе, но тут случилось неожиданное и страшное: Егор взял гитару, обыденно воткнул в комбик и заиграл простенький блюз. Лет пять я не слышал, как Егор играет, и у меня отвалилась челюсть. Чистый точный звук пробивал кожу и стены, музыка переливалась задумчивыми синкопами, прыгала по тревожным басам и взрывалась решительными мощными аккордами, которые растворялись в смеющихся, поющих, кукующих и квакающих речитативах на верхних нотах. Меня пронзило понимание того, что человек, разбирающийся в электрогитарах, услышав мои упражнения на фоне творчества Егора, не только не порадуется моему культурному развитию и материальному благосостоянию, а, напротив, взгрустнёт о том, что ещё один богатый идиот бесится с жиру и тратит деньги на то, с чем он не может справиться. Типа, купил «Феррари» и врезался в столб. Лучше бы клумбу во дворе вскопал и цветочки вырастил...

А я-то не хотел выглядеть богатым идиотом! Я хотел выглядеть богатым модным пацаном. Это было моей тщатель-

но скрываемой болью и мечтой. К своему искреннему стыду и огорчению, я болезненно завидовал тем, кто уже заработал денег. Сколько угодно я мог объяснять себе прописные истины, что не в деньгах счастье, а зарабатывающий достигает не каких-то сияющих высот, а всего лишь новых уровней бедности. Никому никогда не удавалось купить самую дорогую машину и построить самый большой дом. Всегда неожиданно находится что-то более дорогое и большее... Тем не менее я мечтал о тех временах, когда у меня будет столько денег, что я смогу купить любую дорогую вещь, не задумываясь и не напрягаясь, как это получилось вот с этой конкретной гитарой. У многих моих партнёров и конкурентов по бизнесу были машины классом выше моей, а я такую себе позволить ещё не мог. От осознания этого у меня ныло в груди. Тело заполняла слабость, руки опускались. Я понимал, что эти люди работали больше моего и отдыхали меньше, но облегчения это не приносило... И вот я вроде бы выиграл маленькое гитарное сражение в этой большой игре, а Егор вырвал приз прямо у меня из рук. Вместо демонстрации моего статуса гитара напоминала о моей второсортности в ещё одной области жизни. Теперь в минуты меланхолического ничегонеделания я зависал между двумя противоборствующими желаниями: побренчать, как в старые добрые времена, или не сыпать соль на рану. В это прекрасное воскресное утро старые добрые времена победили. И это было хорошо.

> > >

Мы с Олегом совместными усилиями разбудили Зою. Она встала, накинула синий шёлковый халат, поцеловала меня и отправилась готовить завтрак, строго крикнув Олегу: «Выключай компьютер и садись за книгу!». Олег с готовностью откликнулся: «Да, мам». И, конечно, ни на секунду не остановился. Этот ритуал прижился у нас давно. Чтобы оторвать Олега от компьютера и посадить за книгу, нужно гораздо большее физическое усилие, чем родительский окрик.

Зоя загремела на кухне посудой и минут через двадцать позвала: «Мужчины, завтрак готов!» Я пошёл отрывать Олежку от Автоботов. Он ритуально притворился глухим,

я ритуально рявкнул, и он отправился чистить зубы. Наконец мы расселись за кухонным столом. Идиллическая картина омлета с помидорами, бутербродов на блюдечке и дымящегося кофе привела меня в восторженно-влюблённое состояние, и я приступил к застольной беседе:

— Ну что там нового на даче?

— Да особо ничего, всё по-старому, — стала рассказывать Зоя, — Гремяков из одиннадцатого дома позавчера поставил новый забор и прирезал к своему участку ещё метр. А вчера парень приехал к Катьке на своём КАМАЗе. Глядь, а КАМАЗ-то проехать не может. В понедельник ещё мог, а теперь вдруг нет. Парень вспомнил, что во вторник в гараже мастер предлагал ему кузов сдвинуть назад и расширить, чтобы увеличить грузоподъёмность. Ну и решил, что это ему кузов без спроса сдвинули. Стал звонить и орать на мастера.

Соседка по деревне, Катька, сочная деваха на пике сексапильности, часто отвлекала меня от идиллически-патриархальных загородных мыслей своими точёными лодыжками, крепкой грудью над спортивной талией и влажным взглядом. Вот и сейчас понадобилось усилие, чтобы оторваться от эротических мыслей и вернуться к Зоиному сюжету, который она энергично развивала:

— Гремяков вышел на шум. Катька вышла на шум. Катька-то всё сразу поняла и принялась орать на Гремякова, что он самоуправничает и за это будет наказан Богом и людьми. Гремяков стал орать на Катьку, что лучше бы она занималась своими делами и следила за своим забором, а не за чужим. Парень перестал говорить по мобиле, увидел, что Гремяков орёт на Катьку, взял его за шиворот и встряхнул. Я была уверена, что сейчас Гремякова и правда Бог накажет, но Гремяков вдруг удивительно удачно сменил тон и тему — надо у него поучиться. Оказывается, Гремяков хорошо разбирается в КАМАЗах и внимательно слушал телефонный разговор. Он сказал парню, что всё у него с кузовом нормально, а потом тут же объяснил, как сделать, чтобы КАМАЗ меньше жрал масла. Тема масла оказалась насущной, и парень полностью погрузился в технические детали. Потом Гремяков сказал Катьке, что она великолепно выглядит и неудивительно,

что к ней ездят такие замечательные молодые люди на таких замечательных КАМАЗах. Его жена тут же вынесла бутылку самодельного вина из черноплодки, которым Гремяков славится на всю деревню, и Гремяков галантно вручил вино, как он выразился, «молодой и красивой паре». Катька растаяла и забыла, о чём тут вообще речь.

Олежка с удовольствием слушал мамин рассказ, заливался смехом и поддакивал. Будучи разумным ребёнком, он не лез во взрослые дела, но довольно точно оценивал расклады. Зоя продолжала, раззадориваясь:

— Все помирились и практически разошлись по своим делам, но тут парень вдруг вспомнил, из-за чего разгорелся весь сыр-бор, и растерянно спросил, как же теперь ему проехать к Катьке. Гремяков сделал грустное лицо и объяснил, что во вторник в четырнадцатый дом проложили газовую магистраль, сэкономили на канаве и не заглубили её достаточно, поэтому теперь КАМАЗам по деревенской улице ездить нельзя. Они, собственно, будучи полномерными грузовиками, никогда не имели права ездить по деревенской улице, но теперь им ездить ну совсем никак нельзя. Катька насупилась и согласилась, что газ в четырнадцатый дом действительно проложили. Было видно, что она ни разу не уверена, что по этому газу не могут ездить КАМАЗы, но на столь высоком техническом и юридическом уровне дискуссии чувствовала себя неуверенно и наглухо замолчала, уткнувшись в плечо молодому человеку. Тот сказал, что газовая магистраль — это, конечно, не шутки. КАМАЗ уехал, и история завершилась всеобщим удовлетворением... Теперь я пытаюсь понять: Гремяков — он злодей или герой нашего времени? Я ведь тоже рада, что теперь мимо нашего дома не будут КАМАЗы ездить...

Я искренне рассмеялся.

— А что у тебя? — переключилась Зоя.

— Да всё по-прежнему. Очередную партию отгрузили Герману. Он доволен, но следующую партию заказывать не стал — нет пока покупателей, говорит. Простаиваем. Я ищу заказы, но без Германа ничего найти не могу. Весь рынок работает только через него и через Голицына, но если я сделаю

хоть одну сделку с Голицыным, то Герман мне причинное место отпилит.

— Папа, что такое причинное место? — влез Олег.

— Узнаешь ещё, — отмахнулся я, — а пока тебе только нужно запомнить, что нельзя допускать, чтобы кто-нибудь пытался отпилить тебе причинное место.

Олег задумался, обиделся на свою недопущенность к важной информации и резко ушёл в свою комнату, не сказав спасибо и не убрав тарелку в раковину. «Что надо сказать? Что надо сделать?» — закричал было я в приступе возмущения нарушением формата сыновнего почтения, но Зоя шикнула на меня и замахала рукой: «Расслабься, будешь воспитывать, когда он с каникул вернётся». Из комнаты донеслись взрывы и крики Автоботов. Видимо, обиду Олег инсценировал, чтобы поскорее вернуться на помощь к своим, а то им там тяжело без него. Оптимус Прайм весь в пробоинах и дымится, правую ракетницу заклинило. Надо срочно искать кристалл здоровья и спасти ситуацию.

Завтрак был закончен.

— Кирилл, у меня в фонарике на даче оказались какие-то совершенно безумные нестандартные батарейки, — деловито сообщила Зоя. — Вот тебе образец — купи мне, пожалуйста, пока мы с Олежкой будем в гостях, чтоб я потом их на дачу увезла. Их, наверное, можно найти только в большом торговом центре.

— А что, я сегодня поеду в большой торговый центр? — удивился я.

— Да, надо сдать вещи в химчистку.

— Спасибо, дорогая, что распланировала мой день, — сказал я и чмокнул Зою в щёку.

— Не нарывайся, — строго ответила она. Как это у неё так получается, твердо, но нежно?

> > >

На кухню вернулся Олег: «Папа, можешь мне помочь?». У меня ещё не рассеялся боевой задор на тему его неформатного убегания из-за стола, но просьба, к тому же поданная в форме вызова, запустила сладкий родительский транс.

Сын, обращающийся за помощью к отцу — это прекрасная высокодуховная картина, оправдывающая все тяготы родительства. Отец имеет возможность расправить плечи, потрепать подростка по плечу и проявить эрудицию, смётку, заботу, любовь и прочее великолепие.

— Что случилось, Олежик? — сказал я голосом, исполненным нежности, силы и мудрости.

— Баба Лиза с дачи подарила мне новую игровую приставку, а она не работает.

Идиллия разбилась вдребезги. Снова компьютерные игры! Моей первой реакцией было решительно отправить приставку назад неизвестной бабе Лизе. Тем более, что приставка не работает. Зоя почувствовала недоброе и мягко попросила:

— Помоги ему. Он очень обрадовался этому подарку.

— Что за баба Лиза? — процедил я, переключая гнев на непрошенного дарителя.

— Хорошая тётка, соседка на даче. Дружит с мамой сто лет. Любит Олежку.

— Что за приставка?

— Не знаю. Помоги ребёнку, пожалуйста. Мы договаривались, что на каникулах играть можно, а когда начнётся учебный год, урежем рацион.

Мы действительно об этом договаривались. Я сделал мудрое отцовское лицо и отправился с Олегом в его комнату.

На столе лежало устройство, совершенно не похожее на игровую приставку. Мотоциклетный шлем в хорошем состоянии, но совсем старомодный. Теперь такие не делают. Серый проводок соединял шлем с серой же квадратной панелью, на которой находился круговой регулятор. В середине была цифра ноль. По часовой стрелке располагались цифры 1, 2, 3 и 4. А против часовой, соответственно, -1, -2, -3 и -4. От пульта шёл сетевой шнур с обычной вилкой. На обратной стороне пульта было что-то написано по-немецки.

— Ух ты, какая штука! А что она делает? Где инструкция?

— Не знаю, — сказал Олег с болью в голосе, — инструкции нет.

— А что говорила баба Лиза?

— Ничего не говорила. Сказала только, что это волшебная вещь.

— Хм. А почему ты вообще решил, что это игровая приставка?

— Ну помнишь, вы мне покупали в прошлом году очки, в которых гонялись машинки. Я думаю, это что-то похожее. Но у меня ничего не получается...

Меня восхищает способность детей искренне и глубоко огорчаться по всяким смешным темам. Огорчённому ребёнку нельзя не помочь, даже если ты не его папа... Очки, действительно, были. Но мы ему их не покупали — это был подарок бабушки с бабушкой на Новый год. Я в них поиграть не смог — качество было отвратительное, машинок практически не видно. Но Олег честно просидел в очках три часа, а потом они сломались к всеобщему удовлетворению.

Я решительно вставил вилку в розетку. Пульт загудел. Я надел шлем на голову и повернул регулятор на «плюс один». Ничего не произошло.

— Папа, я уже всё это делал, — сказал Олег, — оно не работает... Там на затылке под тряпочкой есть тумблер. Его надо зафиксировать вперёд и вверх, а потом прижать головой. Я пытался, но у меня голова маленькая и он сразу отщёлкивается.

«Надо же, какой умный и деловой ребёнок», — подумал я, а вслух спросил:

— А подушку не пробовал подложить?

— Не влазит, — сокрушённо констатировал Олег.

— А можно ещё подложить маленькое полотенце.

— Спасибо, папа, — просиял Олег и умчался в ванную за полотенцем.

Я нащупал тумблер, надел шлем, зафиксировал тумблер вперёд и вверх, прижав головой, и повернул регулятор на плюс два. Острая боль так резко ударила в виски, что я вскочил со стула и почти инстинктивно крутанул регулятор обратно на ноль. Пришел в себя, уже сидя на полу. Передо мной стоял довольный Олег и засовывал полотенце в шлем.

— Подожди, — сказал я, — с этой штукой что-то не так. Дай, я разберусь.

— Папа-а-а-а, — заныл Олег, — это моя игра. Я сам разберусь.

— Олег, спокойно. Через десять минут я отдам тебе эту штуку, если с ней всё нормально. Я должен её проверить.

Я решительно взял шлем и унёс в кабинет. Олег встал в дверях, но я решительно и плотно их закрыл. Внимательно осмотрел устройство и не увидел ничего нового. Надел шлем. Аккуратно выкрутил регулятор на плюс один. Боль в голове снова появилась, но она была тише, чем в первый раз, — вероятно, из-за того, что не была неожиданной. Кажалось, что по вискам и затылку постукивают маленькие молоточки. Примерно через минуту я к ним привык и стал прислушиваться к своему состоянию. Ничего особенного не происходило, хотя я явно ощущал: что-то происходит. В сознании появилось что-то типа бегущей строки: «Какой же я идиот! Почему всю жизнь я влипаю в глупые ситуации, в которые не попадает больше ни один вменяемый человек. Ребёнок приволок неизвестный шлем, найденный чуть ли не на помойке, и я сразу засунул в него свою голову. С такими замашками не только разбогатеть, но и выжить-то не просто. Рано или поздно я себя ухайдокаю какой-нибудь очередной глупостью!» Вдобавок к молоточкам в висках и затылке появилась резкая боль в шее и спине, а потом всё тело залило тоскливое осознание, что шансов у меня нет вообще ни на что. Заныло сердце. Странная апатия заполнила не только тело, но и пространство. Сделав последнее, чуть ли ни предсмертное усилие, я крутанул регулятор в обратную сторону.

Апатия, тоска, бегущая строка исчезли, испарились, улетучились. Над только что серым и холодным миром взошло тёплое солнце, которое было ярким ровно настолько, чтобы окрасить всё в изысканные цвета, но не ослепить. Взгляд упал на регулятор — оказалось, что тот попал на минус два. Меня затопила счастливая расслабленность. Я подумал... Скорее даже не подумал, а явственно ощутил, что я молодец. Починил ребёнку игрушку и справился с неизвестной опасностью. Мир прекрасен. Обои на стене имеют волшебный тонкий узор — его рисовал гениальный добрый художник.

Дерево с улицы заглядывает в окно филигранными листьями, у каждого из них свой уникальный оттенок и рисунок, а вместе они создают симфонию величия и красоты природы и мира. Цветок на подоконнике, ещё вчера казавшийся обыденной деталью интерьера, сочными бутонами наигрывает тонкую мелодию, переливается такими глубокими оттенками красного и бордового, каких я раньше вообще не замечал... Довольно долго я любовался окружающим пространством, а потом переключился на свою семью. У меня потрясающая жена, которую я очень люблю, и восхитительный сын. И они тоже любят меня. У меня отличная квартира и машина. И на этой машине я сейчас поеду в торговый центр, чтобы сделать приятное моей любимой жене.

> > >

Вышел из квартиры. Лифт долго не приходил, так что пришлось бежать вниз по лестнице с одиннадцатого этажа. Ноги уверенно попадали на ступеньки, рука точно схватывалась за поручень на повороте лестничного пролёта — движения получались элегантными и эффективными. К седьмому этажу я уже даже не бежал, а летел вниз по лестнице, паря над ступеньками, перилами и лестничными площадками, рассекая пространство и делая фигуры высшего пилотажа. Ни разу не промахнулся и не вывихнул ногу. Вылетел из подъезда прямо в машину и точно опустился на водительское сиденье, как джигит на выезде вскакивает в седло. Воткнул передачу, вдавил педаль, разогнался, переключая скорости настолько точно, что двигатель не кашлял и не рычал, плавно набирая ход. На приличной скорости проскользнул сквозь узкий проход, оставленный на выезде из двора припарковавшимися соседями и, не притормаживая, вписался между машинами в потоке. Первый светофор проехал, не снижая скорости, нервирова соседних водителей опасной малой дистанцией. Я вовсе не лихачил, но уверенно вёл своего мустанга, контролируя каждый миллиметр. Во мне жили и трудились одновременно: радар, датчик дистанции, автоматическая коробка передач и мощный бортовой компьютер. Как только я задумался о природе и волшебстве этого

компьютера, в системе произошёл досадный сбой, и я задел крылом какой-то придорожный столбик. Нефиг отвлекаться на глупости. На втором светофоре всё-таки пришлось остановиться по причине непрекаемого красного света, но ушёл с него я как чемпион и снова гладко добрался до пятой скорости, ни разу не нарушив ровного нарастающего гудения двигателя. На третьем светофоре я вдруг понял, что забыл, куда еду...

Ах да, в торговый центр! Поставил машину на подземную стоянку и поднялся наверх. Встал посреди второго этажа и любовался изысканной архитектурой, стремительными лифтами, прекрасными людьми, двигающимися вокруг меня. Вдруг снова понял, что вообще не помню, зачем сюда приехал. Как-то автоматически достал мобильник и набрал Зою.

— Алло, — сказала Зоя загробным голосом, который вернул меня в реальность. Явно что-то случилось.

— Зоинька, ты как? Что с тобой? — спросил я с искренней заботой.

— Ты где? — сухо спросила Зоя.

— В торговом центре.

— Что ты там делаешь?

— Не знаю, — честно признался я и тут же понял, что положение надо спасать, а то случится недоброе. Это был тот редкий случай, когда на меня сейчас будут орать по делу. Судорожно побежал глазами по витринам. Посуда — не то... Книжки — не то... Нижнее бельё — с бельём что-то было связано, но не понятно, что... Одежда — опять тепло, но не горячо... Электроника — тепло... Ремонт сумок — не то... Ремонт часов, замена батареек. О! Батарейки!

— Батарейки, — закричал я, — Зоинька, я поехал тебе за батарейками!

— Кирилл, ты издеваешься?! — закричала Зоя. — Ты сегодня в лучшей своей манере! Зачем мы к тебе приехали? Утром мучал ребёнка, отнял у него приставку и сам играл в неё полтора часа! Он мне даже пожаловался! Стыд надо иметь! Ему запрещаешь, а сам играешь! Потрясающее лицемерие. А потом сбежал тайком по своим делам!

— Зоя, я поехал за батарейками!

— Какими батарейками! Ты же не знаешь, что мне нужно. Я тебе утром дала образец, а ты оставил его на кухонном столе! Ты не слушаешь меня никогда! А что ещё я тебя просила?

— Не помню, — сокрушённо сказал я.

— Я тебя просила сдать вещи в химчистку! Ты для того и ехал в торговый центр. Но тебе по барабану, что я говорю и о чём я тебя прошу! Вещи-то ты не взял! Ты вообще ничего никогда не помнишь! Где ты сейчас? Уже пиво пьёте с Егором и Антоном? Футбол смотрите? На гитаре бренчите? Или ты выбираешь себе очередной новый чехол на сиденье? На моём-то пусть старый остаётся!

Этот несправедливый ранящий монолог был классическим началом нашей классической ссоры. Да, мой косяк, про химчистку забыл. Но в торговый центр-то честно поехал. Ни с каким Егором ничего не пью! И чехол на сиденье у Зои совсем новый! Зачем говорить такие слова? Обычно в такие моменты во мне что-то начинало бурлить, и я орал Зое в ответ. А она с готовностью поднимала ставки... Но сейчас я с некоторым удивлением и радостью отметил, что ничего не бурлит. Вообще ничего. Как-то сам собой включился мудрый и сильный мужчина:

— Зоя, я сейчас вернусь за твоей батарейкой и химчисткой.

Увы, делу это не помогло. Зоя холодно отчеканила:

— Не утруждайся. Продолжай пить пиво. Мы уже опаздываем на день рождения. А потом мы поедem прямо на дачу — тебе мы явно неинтересны и не нужны.

— А батарейка?

— Я найду, кого попросить о батарейке. И уверяю тебя, мне её привезут... — Зоя бросила трубку.

Расстроенный, я поплёлся на стоянку. В лифте понял, что не знаю, где оставил машину. Такое случилось со мной впервые за всю мою некороткую жизнь. Я слышал рассказы о людях, которые теряли машины на парковках, но всегда считал, что это юмористическая городская легенда о идиотах, которых в реальности не бывает. Мои организованность

и ответственность просто не давали шанса такому сценарию. Оставляя машину на стоянке в аэропорту, я не просто запомнил место, но и фотографировал его на мобильник. В торговых центрах запомнил место, как по буквенной маркировке, так и по расположению. И никогда в жизни не терял машину! Я заподозрил, что со мной происходит что-то не то, и попытался вспомнить, что же это. Завтрак, Зоя, КАМАЗ с Гремяковым, Олег с дурацкими компьютерными играми — обычное воскресное утро.

В туманном состоянии я брёл по лабиринту парковки и высматривал машину. Наконец увидел её в пятидесяти метрах. Жизнь вернулась! Резко рванулся к машине, к спасению, к прекращению этого безумия. Раздался визг тормозов, что-то сильно ударило меня в бедро — я отлетел к стене и больно ударился головой. Постепенно понял, что произошло: как пьяный идиот я бросился к машине по прямой, не сообразив, что нас разделяет проезжая часть. И вылетел прямо под потёртый тарантас, который выезжал с парковки, слава Богу, не очень быстро. Из тарантаса выскочил какой-то таджик с ошарашенными глазами и бросился ко мне:

— Братишка, ты как? — тараторил он. — Ты живой? Как же ты так? Откуда же ты на меня бросился? Зачем?

— Я в порядке, — прохрипел я. Подвигал руками, ногами и головой, проверил рёбра — вроде в порядке.

— Я вызову врачей сейчас, — тараторил узбек, доставая трубку мобильного. Я схватил трубку, и он с изумлением её мне отдал.

— Не надо врачей.

— А как же ты, братишка? Не могу же я тебя здесь бросить! Давай я тебя отвезу в больницу или домой, — тарыхтел узбек. — Или хочешь полицию вызвать? — добавил он грустно. Он явно не хотел вызывать полицию.

— Так, — я сделал усилие и сложил слова в длинную фразу. — Я в порядке. Спасибо тебе за заботу. Я сам виноват в этой истории. Со мной всё будет хорошо. Езжай спокойно. Никого не вызываем, ни врачей, ни полицию. Под мою ответственность.

— Телефон у тебя работает? — теперь узбек медленно выговаривал слова и внимательно смотрел на меня. — С тобой всё нормально?

В доказательство дееспособности я встал на ноги, достал телефон и показал его узбеку. Машины, пол и потолок поплыли. Я оперся о стену. Узбек внимательно меня осмотрел, пожелал мне всего хорошего и, наконец, уехал. Я сполз по стене и стал собирать себя по частям.

Так. Со мной происходит что-то необычное. Вспоминаем сегодняшний день: завтрак–Зоя–Олег–магазин–ссора–машина–авария. Упускаю что-то важное. Мир продолжает плыть. Надо занять устойчивое положение: сел, оперся спиной о стену и твердо поставил ноги. Сориентировался в пространстве — справа от меня урна, передо мной злосчастный проезд, прямо за ним большой джип с номером 329, а слева вдалеке шумит выезд из парковки. Моя машина находится метрах в двадцати за проездом и парой других машин, но я решил пока отложить новую попытку прорваться к ней. Что интересно, ничего плохого вокруг не наблюдалось — мир оставался вполне дружелюбным и неопасным, настроение было чуть ли не хорошим. Голова работала медленно, но вполне ясно, отмечая неоспоримые факты: мир плывёт, со мной что-то не так, пока лучше с места не двигаться, ситуация стабильна, урна на месте, номер джипа 329, надо чтобы кто-то помог.

> > >

Я достал мобильник и позвонил Зое — она не ответила. Тогда набрал Егора. Тот ответил быстро и радостно:

— Пронто модесто, Кир! Что нового?

— Егор, — сказал я медленно, нарушая заданный им бодрый темп разговора, — мне нужна помощь, со мной что-то не так.

— Что случилось? — адекватно замедлился Егор.

— Я не могу объяснить, что случилось, но мне нужна твоя помощь. Я у выезда из подземной парковки в торговом центре. Можешь подъехать?

Егор согласился без дальнейших разъяснений. Молодец. Хороший друг. Настроение у меня поднялось, и я снова

стал сползать в умиленно-расслабленное оцепенение. Время от времени я взбадривал себя проверкой целостности мира: стена, урна, 329, выезд. Всё на месте. Хотя чего-то явно не хватает. Но это что-то скрывается в странном тумане, который клубится у меня в голове. А в целом всё хорошо. Красивый паркинг, красивые машины, красивая урна. Ещё лет пять назад урн в городе вообще не было, а теперь, смотри, расставили. Движемся к Европе.

Прибежал Егор и стал меня рассматривать:

— Ты в порядке? — спрашивает.

— В порядке.

— Что случилось?

— Что-то не так со мной.

— Что не так?

— Слушай, не могу объяснить. Помоги мне добраться домой.

— Что болит?

— Да ничего не болит.

— У тебя кровь на лице.

— Царапина.

— Так что же случилось?

На этом месте я завис. Я понимал, что что-то случилось и даже понимал, что знаю, что именно, но то ли не мог разглядеть это в тумане, то ли не мог найти правильные слова для объяснения. Слова как-то вообще трудно связывались в законченные фразы.

— Встать можешь?

— Могу.

Я встал.

— Ну, пошли.

— Куда?

— Я на мотоцикле приехал, поставил снаружи, пошли к нему.

— Не, поехали лучше на моей машине.

— Да как же ты поведёшь в таком состоянии?

— Я абсолютно в порядке. У меня только с памятью что-то, но вести могу нормально. Я сюда отлично доехал.

— Давай тогда я за тобой на байке поеду.

— Нет, Егор, не оставляй меня сейчас, пожалуйста. Потом за байком вернёмся, я тебя подвезу.

— Ох, Кир. Ну давай. Подожди здесь минуту, я за шлемом сбегаю. Не хочу шлем на байке оставлять — сопрут.

Шлем! Меня пронзила пулемётная очередь воспоминаний и умозаключений. Шлем! Как я мог забыть?! Всё дело в шлеме!

— Егор, — заорал я, — всё дело в шлеме!

— Что в шлеме? — опешил Егор. — Уже спёрли?

— Нет! Шлем у меня дома. На минус два! Поехали, я тебе всё покажу.

Егор таки сбежал за своим шлемом, и мы поехали к моему. Как только я вспомнил о шлеме, голова прояснилась. Мысли выстроились в ряды и заняли отведённые им позиции. Мир стал более отчётливым. Но и радостная лёгкость, в которой я находился последние несколько часов, рассеялась. Голова заныла, и в висках опять застучало. Я понял, что могу с этим шлемом вляпаться в какую-нибудь странную или даже страшную историю. Потом вспомнил, что Зоя не отвечает на звонки и покрылся холодным потом. Набрал ещё раз — не отвечает. Конечно, я не подумал, что мобильник просто лежит у Зои на ресторанном столе дисплеем вниз, а она щебечет с дружественными мамами из Олегова класса. Или что Зоя злится на меня и из принципа не берёт трубку. Нет, я сразу решил, что Олег вложил полотенце в шлем и врубил его на плюс четыре. И сейчас Зоя откачивает нашего сына в реанимации. Или Зоя надела шлем, врубил плюс четыре, и сейчас Олег рыдает над её телом и не слышит мобильник.

В висках у меня застучали не молоточки, а натуральные молотки, тело задрожало. Я втопил педаль газа в пол, рванул обгонять какой-то трактор и снова задел крылом придорожный столбик, из-под которого с лаем вылетела огромная собака. Егор заорал как резаный:

— Прекрати! Остановись немедленно!

— Спокойно! Всё в порядке! — орал я в ответ. — Сейчас доедем!

— Остановись, придурок!

— Всё нормально!

Мы летели через пробки, переходы и светофоры под визг шин и дребезжание каких-то дачных вёдер в багажнике. Народ разбежался, машины гудели, столбы мелькали, Егор орал. Я топил. Каким-то чудом никто меня не остановил, и никакие столбики и животные больше не пострадали. Вбежал в квартиру, волоча за собой Егора, и убедился, что шлем спокойно лежит на месте, а тела жены и сына отсутствуют. На телефоне нашлась Зоина эсэмэска, присланная только что: «Мы уехали на дачу». Вот и славно. Я надел шлем, включил его в сеть и вернул регулятор на ноль. Ничего не произошло. Вообще ничего. Тогда я поднял его на плюс один в надежде, что сейчас в моей голове появится какая-то новая ясность и чистота. Вместо этого появилась знакомая головная боль и застучали молоточки в висках. Я опять вернул регулятор на ноль и снял шлем.

— Вот, — показал я Егору, — Это — шлем.

— Ну и что? — обиженно буркнул Егор, ещё под впечатлением от нашей поездки.

— Я его надел, и у меня выключилась голова. Я всё забыл и попал под машину.

— Бред какой-то, — сказал Егор, ещё не склонный к дружескому конструктивному диалогу.

— Может, и бред, но эффект был обалденный. Я нормально вёл машину, но ничего не помнил и ни о чём не волновался.

— Видел я, как ты вёл машину и не волновался, — отрезал Егор. — Чуть не убилась.

— Да нет, это уже позже было, когда эффект прошёл. А поначалу было совсем по-другому. Тишина, пустота и красота. И машину вести отлично получается.

Этот рассказ Егора заинтересовал. Он взял шлем и стал вертеть его в руках, а я пошёл на кухню и поставил чайник. Я это сделал не столько, чтобы заварить чай, сколько чтобы вернуть какую-то бытовую стабильность в этот безумный день. Достал посуду из посудомойки, расставил её в шкафу, сделал радио погромче, подровнял табуретки под столом. Жизнь наладилась. Когда я вернулся, Егор уже надел шлем на голову и заинтересованно крутил регулятор.

— Ничего не чувствую.

— Там внутри на затылке предохранитель. Его надо перещёлкнуть, зафиксировать вперёд и вверх и держать головой. Но ты лучше не рискуй — видел, что со мной случилось.

Признаюсь, что в этот момент во мне проснулся эгоистичный и безбашенный учёный-экспериментатор. Я же учился на биофаке, препарировал лягушек и занимался микробиологией. Будь я чуть понормальнее, отнял бы у Егора шлем и выбросил навсегда, как объект повышенной опасности. При столкновении с неизвестным у нормального человека обостряется инстинкт самосохранения, а у меня, напротив, любопытство и желание с этим неизвестным поэкспериментировать. Поэтому я немного подталкивал Егора к эксперименту, честно собираясь контролировать и страховать его. А сам я уже боялся шлем надевать.

Надо сказать, что Егора долго уговаривать не пришлось. По безбашенности он играл в моей лиге. Может, потому мы и дружили. Однажды в детстве он повёл меня воровать латунный кабель с военной базы. Идея воровства мне глубоко противна, но в тот момент я читал фэнтези про проникновение группы отважных сталкеров в инопланетную зону и вдохновился возможностью пережить что-то похожее самому. Мы отправились на базу глубокой ночью, и я до сих пор помню пронзительный ужас момента, когда мы сидели под колючей проволокой в луче прожектора и к нам по нашим следам шёл наряд с собаками и автоматами. Я чуть не помер от страха, а Егор хладнокровно пересидел опасность и вывел меня другой дорогой через какой-то разрушенный мост, где мы в три часа ночи прыгали над рекой по ржавой арматуре.

Вот и сейчас Егор, не дожидаясь дальнейших комментариев, сунул руку в шлем, перещёлкнул предохранитель и крутанул регулятор на минус два. Секунд через десять он сел на пол, прислонился к письменному столу и блаженная улыбка расплылась на его лице. «Как дела, что чувствуешь?» — спросил я. Егор молчал. Я подождал ещё немного и снова спросил. Егор молчал. Я вернул регулятор на ноль. Ничего не произошло. Егор улыбался и молчал. Я поднял регулятор на плюс один. Егор встрепенулся и сказал:

«Подожди-подожди, не так быстро». Я понял, что нащупал метод управления ситуацией и осторожно поднял регулятор на плюс два. Егор резко открыл глаза, открутил регулятор на ноль и снял шлем.

— Ух ты, — сказал он, — это ж как водка.

— Что как водка? — удивился я.

— Как-как. Эйфория, расслабление. Ах, да! Ты же водку у нас не пьёшь! — вспомнил Егор насмешливо. Действительно, с водкой у меня были сложные отношения, но я по этому поводу никогда не расстраивался. Я подозреваю, что мне вообще повезло с генетикой по части химических аддикций. Никогда мне не хотелось курить, хотя во дворе честно пытался за компанию, а водка вызывала у меня чисто физическое отвращение. После ста граммов обещают прилив сил и эйфорию, а я неизменно получал тошноту и головокружение. Когда весёлое застолье ещё только набирало силу, я либо уже безвольно обмякал на стуле, либо даже общался с унитазом. Конечно, не пить в России нельзя — выпадешь из социума, поэтому я долго экспериментировал с комбинациями напитков, которые позволяли мне оставаться с народом, но не испытывать физиологических мучений. Годам к двадцати двум я вывел выигрышную комбинацию: долго, много и с удовольствием я мог пить коньяк, даже самый дешёвый, закусывая его большим количеством яблок и лимонов. Аж часа полтора я испытывал обещанную эйфорию, но потом снова подступала тошнота. Процесс напоминал хождение по канату над пропастью, поэтому я практиковал его, пока того требовали студенческие застолья и частые свадьбы, но утратил это искусство, как только семейная жизнь сделала размеренность и умеренность не асоциальной чертой, а альтернативным признаком мужания.

Из-за того, что пить я не любил, в моём кругу было мало людей, склонных к серьёзным химическим экспериментам над собой. Никто никогда не предлагал мне наркотики, а я их как-то и не искал. Страшные картины героиновых смертей, растиражированные в прессе и подкреплённые личными наблюдениями за запойными алкоголиками, сформировали у меня устойчивую неприязнь к химическим

методам возбуждения. При этом, будучи прожжённым либералом, я считал это личным делом каждого, что заливать и что колоть в своё тело. Если алкоголик никого не бьёт и ничего не ворует, то он имеет полное право пить до смерти. А тот, кто ему не даёт это делать, скорее всего преследует какие-то свои корыстные интересы и потому достоин ещё большего порицания, чем сам алкоголик. Знакомые, столкнувшиеся с проблемой алкоголизма близкого человека, смущали меня вопросом: а что же с ним делать, когда он начал драться и воровать? Убить что ли или посадить? На этот вопрос я ответа не знал.

В общем, Егорово сравнение шлема с водкой поставило меня в тупик.

— Ну и что это значит? — спросил я.

— У просветлённых практиков правильно употребляемая водка, равно как и трава, замедляет мысли, — ответил Егор, — от этого становится спокойно и радостно, но ты ничего не помнишь и говорить не можешь. Всё как с твоим шлемом. Ну и штука! Это же сила! Это если идти на минус. А если на плюс, значит, мозг усилится?

— Ничего он не усиливается, — уверенно сказал я. — Я уже пробовал. Только голова болит.

— Это ты неопытный, — хмыкнул Егор, — со стимуляторами надо уметь работать. Надо не просто сидеть и ждать, когда свалится чудо, а давать телу и голове задание. Вот тогда рванёт.

— Сам ты неопытный, — обиделся я, хотя, кажется, Егор говорил дело.

— Сейчас пойду на плюс два. Страхуй.

-Ты давай поаккуратнее. Голова будет очень болеть.

— Не учи отца документы заполнять.

Егор надел шлем и аккуратно поставил регулятор на плюс один. Поморщился. Покривил губы и дошёл до плюс двух. Неловко упал на стул, левой рукой схватился за голову, а правой стал искать стол. Я рванул к регулятору, но Егор закрыл его рукой: «Подожди, всё нормально».

В комнате воцарилась тишина. На улице тарыхтела повседневная жизнь. Дерево за окном покачивало листьями.

На кухне пело и говорило радио. Резковатый фальцет вещал: «Свойственное россиянам презрительное отношение к американской культуре и поэзии объясняется простым фактом недостаточного знания английского языка даже среди людей, считающих себя говорящими по-английски. Неумелые переводы англоязычных текстов на русский язык не могут вырваться из ограничений российской культурной парадигмы и поэтому оказываются не образцами американской культуры, а плоскими усечёнными проекциями на российскую ноосферу, чем-то средним между студенческими пародиями и заурядной графоманией. В то же время, россиянин, который всё-таки разобрался в тонкостях и красотах английского языка, с удивлением обнаруживает в оригинальных текстах оттенки и глубины, которые в принципе отсутствуют в российской культуре. Новое измерение даже понятных вещей. Самые, казалось бы, попсовые тексты обнаруживают глубину и откровение. В сегодняшней передаче мы представим вам несколько культовых произведений Эминема и Джонни Кэша...»

Егор сидел за столом и молчал. Иногда морщился. Вдруг он схватил лист бумаги и ручку и стал что-то увлечённо писать. Продолжалось это довольно долго. Я уточнил: «Ты в порядке?» Егор деловито кивнул, не прекращая писать. Потом уверенно вернул регулятор на ноль, снял шлем, выдохнул, потёр виски и отправился в угол к гитаре. Взял несколько аккордов, заиграл что-то в стиле кантри, а потом и запел размеренным речитативом, поглядывая в свою бумажку:

В раннем детстве мне не везло, мой друг.
 Я часто грустил, мало ездил на юг,
 Меня били в школе и пичкали манной кашей.
 Но из всех несчастий один облом
 Оказался самым ужасным злом:
 Вы представьте, братцы, отец назвал меня Машей!

Этот драный козёл слил меня и мать.
 Он успел имя «Маша» в справки вписать
 И исчез навсегда, и остались мы без папаши.

Он наверно смеялся потом, мудака,
Что назвал меня вот именно так.
Он смеялся с дружками, а я жил с именем Маша.

Мне было трудно везде, всегда.
Меня дразнили, но не это беда:
Меня никогда не считали серьёзным челом.
И, чтобы уйти от тычков и драм,
Я освоил все виды атак и там,
Где я был, меня всегда считали примером.

Я учился быстро — а как мне быть?
Я учился бить, и учился любить,
И в конце концов нашёл место не у парашаи.
Лишь одна заноза осталась жить,
Я хотел найти и задушить
Того гада, что посмел назвать меня Машей.

Я искал по барам и бардакам,
Я обшарил Питер и Абакан,
Я искал по фотке, что дала мне мамаша,
И однажды встретил его в Орле —
Он шёл ко мне, улыбался мне,
Я ему сказал: «Привет, меня зовут Маша!».

И вломил ему в коленку носком,
И шарахнул его об стену виском,
И собрался добить, как давно и сладко хотелось.
Но вдруг он, гад, повернулся ужом
И пырнул меня в подбрюшье ножом,
Я с трудом увернулся и понял, что я на деле.

Мы катались в грязи, крови, соплях,
Он дрался как сто волков на хаях,
Но в конце концов я прижал его к стенке за глотку.
Покрутившись, он, наконец, затих.
Я уж думал заканчивать этот стих,
Как вдруг подлец сказал спокойно и чётко.

Он сказал: «Сынок, чтоб наш вечный фарс
 Разрулить, нужен вовсе не Маркс, а Марс
 И другого рецепта не знают в деревне нашей.
 Но когда ты родился, я точно знал,
 Что не буду ставить тебе удар,
 Всё, что я смог — это назвать тебя Машей.

А сейчас смотрю и горжусь тобой,
 У тебя в глазах и руках огонь,
 Ты дерёшься, как лев, и выглядишь, как самец.
 Я доволен тем, что сделал, что смог,
 И теперь я твой навсегда, сынок.
 Разбирайся сам, на что сгодится отец».

У меня ослабла тогда рука,
 Я увидел небо и облака,
 Я увидел отца, и стал совсем не страшен.
 И остался таким, и обрёл покой,
 И отец остался со мной такой,
 Но вот сына я точно не назову Машей.

— Ух ты, хорошая песня, — сказал я, — это откуда?

— Это вот у тебя радио сейчас на кухне играло, — сказал
 Егор рассеянно. — «A Boy Named Sue». Джонни Кэш, алкоголь
 и дебошир, легенда американского шансона.

— В каком смысле радио играло? Он же по-английски
 пел.

— Ну вот я и перевёл. А ты говоришь, твой шлем мозг
 не ускоряет.

— Ты хочешь сказать, что ты вот только что перевёл с го-
 лоса этот складный стих? Ты же английского не знаешь!

— Мы с тобой пять лет сидели за одной партой в классе
 с углублённым изучением английского языка.

— Да, но у тебя были одни тройки, и ты у меня всегда
 списывал!

— Ну вот видишь, значит, и от списывания бывает толк...
 Да ты не волнуйся, я тоже в шоке. Этот твой шлем — прям
 атомная бомба. Где ты его взял? Там ещё есть?

— Не знаю. Думаю, больше нет.

— Неудивительно...

Я проверил в интернете оригинальный текст и убедился, что Егоров перевод достаточно точен. Но дело было, конечно, не в точности, а в том, что он смог за пять минут записать много нужных слов в оригинальный песенный ритм. Как легко, оказывается, быть поэтом! Мы с Егором долго сидели молча. Наконец он снова решительно надел шлем.

— А сейчас ты что собираешься делать? — устало спросил я.

— У меня до сих пор голова болит от мозгового штурма. Пойду на минус, отдохну.

Егор выкрутил регулятор на минус два, выполз из шлема и уютно упал на диван. Я понял, что надолго его потерял. Потом подумал, что теперь надо его страховать и вывести в плюс через какое-то время. Потом вспомнил, что мои утренние минус два прошли сами, значит, и у Егора пройдут. Потом понял, что голова у меня сейчас взорвётся. Мне одновременно хотелось бежать во все четыре стороны и угрюмо сидеть без движения. Хотелось снова экспериментировать со шлемом, но вспоминался безумный день, и желание сразу пропадало. Удивляясь себе самому, я надел шлем и выкрутил регулятор на минус два. Мир стал прекрасным, обои — вдохновляющими, Егор — замечательным другом и мудрым мужчиной. Меня сморил сон, и на этом воскресенье закончилось.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Проснулся утром в отличном настроении. В голове чинно прогуливались несколько стройных, как модели, мыслей, и ни одна из них не доставляла ни малейшего беспокойства. Большинство были о работе, но попадались и домашние: например, надо бы позвонить Зое и помириться. Для этого сдать наконец вещи в химчистку и купить батарейки. Потом я вспомнил, что на диване в соседней комнате вчера остался Егор. Но он уже исчез, оставив записку: «Ушёл. Спасибо за прекрасный вечер. Ты лучшая. Целую. Е.»

Пошёл на кухню варить кофе и окончательно убедился, что сегодня понедельник. Слова «батарейка» и «химчистка» старательно записал на жёлтой бумажке и наклеил её на холодильник. После этого мысли о работе вытеснили всё остальное.

Я руковожу собственной компанией по производству диагностических наборов. Это дело мне интересно и приятно, потому что оно совмещает благородство здравоохранения и практичность розничного бизнеса. Компания называется «Диа-Флит». По образованию я биохимик-фармаколог. Какое-то время поработал в фармацевтике, но там мне не понравилось. Между фармацевтическим продуктом и потребителем стоит слишком много преград: врачи, стандарты, учёные, чиновники, аптеки, аптекари и прочее. Лекарства бывают двух типов: те, которые лечат болезнь, и те, которые лечат голову. Оба типа важны, но, чтобы продавать первые, надо пробиться к главному профильному врачу и долго доказывать ему, что ты вменяемый, честный и надёжный, иначе он никогда не поверит, что ты не потравишь людей и не сорвёшь поставку. А чтобы продавать вторые, надо потратить миллион на телевизионную и прочую рекламу, иначе головы откажутся выздоравливать, поскольку они выздоравливают от спокойствия и веры, которые в наши дни прямо пропорциональны количеству эфирных часов и печатных страниц. И в том, и в другом бизнесе технология, производство, да и сам продукт уходят на второй план, а коммерция и политика остаются на первом.

Я не говорю, что такая ситуация порочна — она выстроена обществом именно так, как полезно для этого самого общества. Но вот лично для меня этот сложный танец неинтересен и неудобен. С точки зрения математической логики и статистики современная фармацевтика выглядит подозрительно. Почти ни одно лекарство не гарантирует излечение. Некоторые важные лекарства дают смешное повышение вероятности излечения на 10%, а люди всё равно платят за них огромные деньги и стоят в огромных очередях. Много лет я пытался понять, кто же эти люди, которые платят большие деньги за десять процентов, зачем им эти десять процентов

и сколько денег по-честному эти десять процентов должны стоить. Наконец, понял, что вся система здравоохранения торгует не выздоровлением, а надеждой и поддержкой. Человеку грустно умирать одному и без надежды, но нормально умирать в компании и с таблетками. Мой дядя самых честных правил. Почём нынче доза надежды? А сколько это международных единиц надежды? А дженерики есть?

В общем, игра стала мне понятна, но также мне стало понятно, что эта игра у меня плохо получается. Я люблю делать конкретные практические вещи: продукт, технологию, производство. А надежда у меня выходит плохо, я не по этой части. При этом производить какие-то совсем простые вещи, например, стулья или интернет-сайты, мне не хочется. Начитался в бизнес-книжках про барьеры защиты от конкуренции, да и учился долго не стулья делать, а высокотехнологичные лекарственные средства. В какой-то момент я попал на диагностический рынок и поначалу был очарован идеей создания не лекарств, которые нужны уже заболевшему человеку, а точных надёжных инструментов, позволяющих человеку не заболеть. Увы, быстро выяснилось, что такие инструменты особо никому не нужны. Как жаловался мне мудрый товарищ: «Я создал бизнес с целью оказания качественных своевременных услуг по разумной цене, но выяснилось, что именно такой тип услуг не востребован на нашем рынке». В России все очень боятся заболеть, но никто не озабочен тем, как не заболеть. Предпочитают решать проблемы по мере поступления, как, например, мой отец. Поэтому большинство моих радужных идей растворились в воздухе. Осталось несколько рыночных и потребительских ниш, в которых человек покупал диагностику не для того, чтобы узнать свой прогноз и укрепить здоровье, а потому, что ему уже совсем плохо и надо понять, как спастись. Такими нишами являются, в основном, инфекции и онкология.

Тут я и сделал свой бизнес. Начал, конечно, с перепродажи диагностических наборов, но потом быстро нашёл варианты, в которых выгодно не ввозить весь набор, а проводить базовые операции в России. Вершиной моего технического гения явился флакон, в котором мы стерильно смешиваем

три раствора, а потом так же стерильно закупориваем пробкой на специальной машине, за которую я до сих пор выплачиваю кредит. Журналисты посмеиваются над этим моим производством и называют его «отвёрточной сборкой». А у меня поставлен полный контроль качества по мировым стандартам и собран уникальный коллектив специалистов, которому завидует вся отрасль. Мало кто представляет, сколько фатальных ошибок можно наделать при стерильном смешении трёх растворов и как трудно создать команду, которая может эти три раствора надёжно смешивать.

Главным технологом и первым заместителем по производству у меня трудится Андрей — перфекционист и самородок. Он нигде, кроме школы, не учился, да и школу закончил на тройки. Два года назад я рискнул, взяв его из авторемонтной мастерской, где он был знаменит тем, что умел закручивать гайки так, что они не отваливались. Совсем неочевидно было, что он сможет осуществлять высокотехнологичное производство лекарственных средств, но выбора у меня не было вообще никакого. Не было у меня ни денег на зарплату, ни корпоративной репутации, ни нахрапа в голосе. При этом мне всегда претило объяснять сотруднику, что сегодня я ему заплачу совсем мало, но зато через три года очень много. Хотя именно таковым является ключевой кадровый приём сильного руководителя. С самой первой встречи я оценил главное достоинство Андрея — огонь в глазах. Он крутил гайки не просто за деньги, а с какой-то высшей целью. Когда я попытался выведать у него эту цель, он напрягся и ушёл в глухую раздражённую несознанку, как настоящий человек из народа, а не гнилой интеллигент, любящий порассуждать на бессмысленные темы.

Полгода я возился с Андреем — объяснял ему правила фармпроизводства, следил за его первыми шагами, ободрял — и не ошибся: получил отличного, хоть и неканонического сотрудника. Он демонстративно презирает корпоративные правила и процедуры, чем приводит в оцепенение и ненависть бухгалтеров и прочих администраторов. Дерзит и шутит на совещаниях, отказывается заполнять командировочные листы и всячески тормозит управление бизнесом.

Обращается ко мне при всех на «ты», чем дезориентирует сотрудников, привыкших относиться к руководителям, как к карающим богам, и обращаться к ним только по имени-отчеству. Правда, я таких и сам недолюбиваю. Раболепие меня раздражает и пугает. Я предлагаю всем обращаться ко мне на Вы, но просто — «Кирилл». Андрей даже этого не соблюдает и прямо вот дестабилизирует коллектив своим фрондёрством. Я его прощаю, так как несколько раз убеждался, что попытка его заформализовать неизменно обрывается затуханием. А он мне нужен сияющим — только тогда я уверен, что с производством всё хорошо. Ради этого я балансирую на тонкой грани либерализма и порядка, удерживая коллектив от сползания в фамильярность и расхлябанность, но оставляя достаточно свежего воздуха и свободы, чтобы не потухли глаза Андрея и других моих любимых сотрудников.

Андрей относится к производству, как к волшебному храму, которому он служит и при этом черпает из него жизненную энергию. Проблема на производстве — это его личная проблема, от решения которой зависит вся жизнь. Если я вижу его идущим на обед, то точно знаю, что у нас всё хорошо. Если он сидит в офисе в десять вечера, значит что-то происходит, хотя выведать конкретику у него не представляется возможным. Андрей довёл производство «Диа-Флита» до столь идеального состояния, что любая наша проблема кажется стороннему наблюдателю шуткой. Однажды я вытащил Андрея поздним вечером с работы после того, как он два часа пытался выгнать муху, опасно подлетающую к чистому шлюзу. Убить муху было никак нельзя, потому что остался бы след на стене, поэтому он её пугал и уговаривал улететь. Когда мы вернулись утром, муха исчезла сама собой без следа, а Андрей отметил мои управленческие навыки.

Другие достоинства Андрея — это лояльность и человечность. Он получает у меня неплохие по рынку деньги, и хотя у конкурентов мог получить больше, даже не разговаривает с многочисленными рекрутерами, окружающими его. Он ценит долговременные отношения и понимает мимолётность временных успехов. К моему счастью, он понимает это

лучше, чем я. В области человеческих отношений я не перестаю им восхищаться и учиться у него. Как-то при подготовке новогоднего корпоратива я хотел урезать дюжину гостей не только из соображений экономии, но и для повышения статусности мероприятия. Это были наши поставщики, отличные ребята, с которыми мы работали несколько лет и которые никогда нас не подводили. Я спросил у Андрея, не прервут ли они нам поставки, если я не приглашу их на корпоратив. Андрей резко ответил, что поставки-то они, конечно, не прервут — бизнес есть бизнес — но тема поставок в данном случае его волнует меньше всего. Из указанных мной фамилий он подчеркнул четыре и сказал, что вот этих конкретных людей после всех организационно-производственных передрыг он считает не поставщиками, а друзьями. И у него не встаёт вопрос, приглашать ли друзей на праздник, потому что ответ по-любому утвердителен. Если я этих людей не приглашу, то он пригласит их сам, посадит на своё место и места своего отдела, будет весь вечер стоять рядом, подливать им водку и с интересом слушает, что я ему на это скажу.

Своим вопиющим нонконформизмом Андрей позволяет и мне избегать пафосной байской манеры постсоветских руководителей. Большой начальник у нас должен быть суров, страшен, недостижим и необязателен. Причём постсоветские начальники вовсе не рождаются такими, а долго учатся этой манере в общении со своими первыми начальниками и подчинёнными. Из нормальных весёлых молодых людей они превращаются в злых холодных големов. Я надеюсь, что в семье после работы они совсем не такие, но подобное раздвоение личности пугает меня не меньше. Возможно, такая манера руководства является максимально эффективной в управлении россиянами, которые долго ещё будут нести родовые травмы советского социалистического безумия, но душа у меня к ней не лежит. Я пытался так руководить, и у меня так не получается. Поэтому я общаюсь запанибрата, открыто обсуждаю любые темы и от души смеюсь над всем смешным. Такой подход создаёт в коллективе лёгкую приятную атмосферу, которая, правда, пару раз скатывалась

в фамильярную анархию, когда вместо работы коллеги начинали шутить и грубить. Оба прецедента я жёстко пресёк, чему подчинённые очень удивились. Они, видимо, решили, что раз я не играю в настоящего начальника, то можно мне садиться на шею. Двоих пришлось уволить. С тех пор я побаиваюсь этой своей либеральности, но ничего лучшего придумать так и не смог.

Всё, что мы производим, у нас забирает дистрибьюторская компания «Диа-Центр», которой владеет и руководит Борис Юрьевич Герман. Прибыли, которую я получаю, вполне хватает, чтобы материально удовлетворять и себя, и сотрудников. Проблема только в том, что мы упёрлись в потолок объёма поставок. Мы работаем на четверть от наших возможностей, но об увеличении объёма Герман даже не заговаривает.

За свои посреднические услуги «Диа-Центр» забирает довольно много, но работать напрямую с покупателями я не могу. Точнее, не отваживаюсь даже думать об этом. Наш диагностический рынок контролируется двумя крупнейшими дистрибьюторами: Германом и Голицыным. Причина их успеха заключается вовсе не в том, что они заносят кому-то какие-то конверты. Во все без конвертов, конечно, не обходится, но гораздо важнее, что они построили огромную надёжно работающую систему закупок, складов, администрирования поставок и контроля качества. Лаборатория, берущая у них товар, знает, что товар будет получен в срок, а качество гарантирует репутация поставщика. Если я начну разносить свои продукты по лабораториям, то сначала стану доказывать, что принёс качественный товар, потом утону в бумагах, и, наконец, разорюсь на укрощении складских и транспортных компаний.

Пару раз я обсуждал с Борисом Юрьевичем рост объёма моего производства и поставок, но он просто и по-отечески объяснял, что никому больше мой продукт не нужен — типа, он окучил всех потенциальных покупателей. Я-то знал, что это не совсем так: существуют ниши, в которых я мог заместить существующий импортный дорогостоящий. Но я также знал, что всё это импортозамещение совершенно не нужно

Борису Юрьевичу, так как у него сразу упадёт маржа, да к тому же в неё залезу я. Этот конфликт интересов кристально ясен, и я не вижу в нём ни злодейства, ни трагедии. Решения также очевидны: либо я даю Герману ещё лучшую цену, чем сейчас, что трудновыполнимо, либо придумываю какие-то уникальные, несуществующие на рынке продукты. Решение понятное, но где ж их взять, эти продукты? Кстати, Герман несколько раз намекнул, что если я отгружу хоть что-то Голицыну, то «Диа-Центр» резко снизит объёмы и ухудшит условия.

Так я и стою уже почти год перед мечтой о росте, постепенно сползая в застой и болото. Сотрудники привыкают работать по полсмены, я варюсь в своих мыслях, и ничего не происходит. Даже Зоя, будучи в курсе происходящего, почувствовала эту ситуацию и накричала, что я сижу на заднице, ничего не делаю, никуда не стремлюсь, но при этом всё время ною о невозможности расти и развиваться. Она дала мне все очевидные советы: самому пойти в лаборатории и наладить прямые поставки, выйти на Голицына и нарастить с ним объёмы на улучшенных условиях, а также разработать что-то своё. Я отлично понимаю, что именно так и надо действовать, но как только начинаю планировать какие-то конкретные шаги, сразу тону в мыслях и страхах, что вот сейчас всё хорошо, а я что-нибудь изменю и всё сломается... Лаборатории меня не поддержат, Герман начнёт пресовать, а Голицын радостно порезвится на пепелище. И так убедительно я это себе объясняю, что никуда не двигаюсь.

Например, недавно Андрей нарыл где-то технологию более сложного многокомпонентного смешения, которая отлично встает на нашу производственную линию. Технология позволяет и значительно удешевить наши существующие продукты, и сделать новый набор, который бы легко заместил пару популярных и дорогих импортных наборов. Путь вперёд открыт, но я закопался в деталях. Закупка оборудования и расширение участка требуют больших денег, которых у меня нет. Я не уверен, что мы чисто операционно справимся с новым оборудованием — об этом мы постоянно ругаемся с Андреем. Ну и, конечно, мне непонятно, как я

буду убеждать Германа отдавать мне часть прибыли, которую раньше он не отдавал.

Но я болезненно хочу расти! Дело не только в абстрактных благородных мотивах созидания и самореализации. Хоть мне и стыдно себе в этом признаваться, я хочу богатеть и покупать дорогие гитары, машины и дома. Когда непонимание, как расти, накладывается на страстное желание богатеть, у меня в голове и в теле наступает какой-то тянущий ступор. Я ощущаю себя маленькой букашкой перед великаном, судя по всему, людоедом. В этот момент темы бизнеса пропадают, остаются только темы выживания и обиды на этого великана, судьбу и жестокий несправедливый мир...

> > >